

МАЙКЛ РОУЗ
(Лондон)

**Еврейская община Невеля и ее религиозная жизнь
(1772–1917 гг.)**

ВВЕДЕНИЕ

Мои дедушка и бабушка, Макс Игдалов и Марьяша Пассова, родились и выросли в Невеле. В 1899 г., когда Максу было 23 года, а Марьяше — 16 лет, они эмигрировали в Лондон, где поженились и создали большую семью. Они никогда не бывали больше в Невеле, но любили вспоминать город своей молодости. 100 лет спустя, в 1999 г., я впервые приехал в Невель, был очарован городом и его жителями и решил собирать материалы для книги о Невеле. Я стал участником Невельских Бахтинских чтений, где с успехом дважды прочел доклады о невельской еврейской общине.

Город Невель «живет в памяти людей»¹, но на русском языке сохранилось мало воспоминаний о еврейской общине. Эти воспоминания о хасидах, танцующих на улицах, о необычных личностях сами по себе важны и любопытны, однако невельская еврейская община заслуживает серьезной историографии. Она составляла когда-то две трети населения города. Из нее вышли Мария Вениаминовна Юдина и ее отец, выдающийся доктор Вениамин Гаврилович Юдин; из нее же вышли ближайший друг Бахтина Матвей Исаевич (Мордех Залманович) Каган, выдающийся ученый Борис Борисович (Берке Борухович) Звягин и даже пресловутый комиссар Филипп (Шая) Исаевич Голощекин, участник казни царя Николая II и императорской семьи.

Чтобы написать историю общины, надо обратиться к уже состоявшимся публикациям, сочетая эти источники с еврейскими источниками, с данными устной истории, с описаниями известных событий русской истории за последние три столетия. В данной работе мы ставим перед собой задачу проанализировать жизнь общины в трех аспектах: религия, просвещение и революция как важнейшее событие, коснувшееся всех сторон жизни общины.

Процветание русской культуры конца XVIII в. захватило воображение евреев Риги и Вильны, первыми среди своих единоверцев получивших русское светское образование — в сороковые-пятидесятые годы позапрошлого столетия. В Невеле этот процесс проходил намного медленнее. Такое замедление само по себе способствовало последовавшему позже бурному интеллектуальному и творческому расцвету первых лет революции, известному теперь как Невельское возрождение.

Настоящая статья представляет собой очерк невеличской еврейской общины и служит введением в изучение ее истории и истории города в целом.

ОЧЕРК ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ НЕВЕЛЯ

Польское наследство

«Быть по сему». Так 21 февраля 1778 г. собственноручно подписала невеличский городской план императрица Екатерина II². Прошло шесть лет с момента первого раздела Польши, при котором Невель отошел к России, став уездным городом Полоцкой губернии. Екатерининский план предусматривал место «для кагала и школы», напротив — «площадь для постройки на оной гостиного двора». В данном контексте «школа» означает «синагогу»³.

Невеличская еврейская община насчитывала тогда около 400 душ.

Кагал⁴ являлся органом самоуправления каждой еврейской общины, наследством польских времен. Состоял он из старшин общины и раввина. При польском правлении евреи пользовались защитой очередных хартий о терпимости, основанных на Хартии калишского князя Болеслава Набожного, относящейся к 1264 г. Подробности со временем изменялись, осталась суть. Монарх гарантировал евреям жизнь, право на имущество и религиозную свободу; взамен кагал взыскивал свою долю налагаемых монархом налогов, а в прочем был оставлен в покое и управлял делами общины. Болеслав и его преемники приветствовали евреев, бежавших от преследования, как жизненно важную экономическую силу, полезную для польской шляхты и обитателей польских поместий. Евреи стали управляющими и посредниками польских помещиков; как «арендаторы» они держали шинки и корчмы, гнали водку; снимали мельницы и рыболовные места и вообще снабжали страну квалифицированными рабочими. Таким образом, большинство евреев проживало в деревнях и деревенских местечках.

Впервые евреи появились в Невеле и его окрестностях в середине XVII века. Принесли они с собой идиш, язык своих предков, проживавших в средневековой Германии, и всеобъемлющее религиозное мировоз-

зрение. Своих детей они обучали древнееврейскому языку, изучению Библии, Талмуда и других трудов-сокровищ еврейской мудрости; бороду они не брили, отпускали по библейской заповеди *пейсы*⁵, ритмом их жизни правили шаббат и круговорот еврейских праздников. Консерватизм их распространялся и на одежду: они продолжали ходить в любимых длинных мантиях средневековой польской шляхты еще долго после того, как сами поляки приняли другие формы одежды.

В глазах местного населения евреи являлись фактом жизни. А для новых их «хозяев» в Санкт-Петербурге они представляли собой опасную загадку. По словам историка еврейства Дубнова, «о скрытой жизни еврейского населения русский знал не больше, чем о жизни китайцев. Образованный русский смотрел с подозрением на исключительность патриархальной еврейской жизни [и] непонятные религиозные церемонии, наполнявшие ее»⁵.

Поэт Державин⁶, а после него и ряд чиновников, консультировали правительство по еврейскому вопросу. Они пришли в ужас от этого подаренного России умного народа, не подходящего ни под какую имперскую категорию. Вскоре разработали политику, которой было суждено продержаться полтора года — не давать евреям выехать за грани бывших польских территорий, задержав их там, как по легенде пробовали держать в ящике Пандоры все зло земное. Только небольшому числу богатых, привилегированных лиц было позволено выбраться за черту оседлости, если только они не были готовы стать пионерами на пустующих территориях Новой России.

Черта оседлости, северная граница которой проходила недалеко от Невеля, не представляла собой явления временного и продолжала замедлять социальное и культурное развитие евреев вплоть до революций 17-го года. Так Матвей Каган рассказывает о том, что родился он в 1889-ом году в одной из деревень Псковской губернии, тогда как в метрической книге указано, что он родился годом раньше в городе Невеле. В своих автобиографических заметках он объясняет дело так: «В Псковской губернии, вне черты еврейской оседлости, не могло быть и речи о регистрации моего появления на свет. Спустя некоторое время меня внесли в книгу записей родившихся в Невеле 5 ноября 1888 г., потому что как раз на этой странице оказалось свободное место»⁷.

Население и высылки из деревни

По данным проведенной польскими властями переписи, в 1765 г. в Невеле проживало 388 евреев возрастом старше одного года⁸. С пятидесятих годов XIX в. по 1916 г. от 65 до 70 процентов населения города

составляли евреи, преимущественно в связи с природным приростом⁹. За эти годы община возросла численностью от 3 500 до 12 000. В последние годы данного периода еврейское население продолжало возрастать, несмотря на эмиграцию в Англию и Америку, по мере того как артезианские колодца и другие нововведения энергичных молодых докторов Юдина и Скачевского приводили к снижению смертности¹⁰.

Однако природным приростом нельзя объяснить тот факт, что за период 1765–1850 гг. еврейское население Невеля возросло почти в десять раз. С 1782 г. правительственная политика предписывала выдворение евреев из сельских местностей, объявление незаконной их экономической деятельности и насильственное их переселение в города, где они будут лишены жилья и работы. Постоянно вносились, поправлялось, временно отменялось и опять вводилось соответствующее законодательство.

Программы переселения были вызваны отчасти убеждением, что именно евреи несут ответственность за бедность и отсталость крестьянства, а отчасти злостным желанием перестраивать общество, навязав евреям «полезные занятия», но не снабдив их ни средствами к жизни, ни финансовой помощью, нужной для осуществления этих плохо продуманных намерений.

Историком еврейства Дубновым¹¹ описана «безжалостная жестокость», проявленная местными властями в 1824 г. Дубнов выделяет Невель, как город, где евреи страдали особенно жестоко: «Кучи несчастных беженцев ринулись в перенаселенные города и местечки. Там видно было, как они бродят без цели по улицам, раздетые до одного белья. Жили они ужасно тесно — до десяти человек в одной комнате. В синагоге они лежали прижавшись, а многие, не успев найти себе приюта, остались на улице перед зимними холодами. Среди них начали распространяться заболевания, возрастала смертность, особенно в городе Невель¹² [курсив мой. — М. Р.]» Далее Дубнов рассказывает о том, как губернатор Белоруссии Хованский был таким зрелищем так тронут, что он посоветовал совету министров приостановить высылки.

Занятия невеликих евреев

Каковы были ремесла и занятия невеликих евреев?

Закон об организации евреев 1804 г.¹³ требовал, чтобы они приняли фамилии и записывались в одно из четырех сословий: крестьян, ремесленников, купцов и мещан. Но такое деление дает лишь слабое представление о широком диапазоне занятий евреев. В 1816 г. великий князь Николай Павлович, впоследствии царь Николай I, проезжал по Белоруссии

и с неодобрением записал в дневнике (цитируем в обратном переводе): «Здесь евреи все: купцы, подрядчики, арендаторы, мельники, перевозчики, ремесленники»¹⁴.

Диапазон и разнообразие этих занятий живо описывается в изданных в Израиле воспоминаниях Менахема Менделя Хейна¹⁵. Автор в старости напоминает 80-е и 90-е гг. XIX в.: «Братья наши зарабатывали у крестьян соседних деревень, будучи в большинстве своем лавочниками всякого рода, а некоторые находили заработок в пустом воздухе, покупая и продавая все, что попадало им в руки. Было и несколько крупных купцов, торговавших кожей, овчиной, щетиной, льном и тому подобными товарами — это были типичные местные занятия, и приезжали купцы из больших заграничных городов, торговались с ними на сотни и тысячи рублей. В руках наших братьев в городах были и многочисленные шинки и корчмы, где они щедро рукою разливали напитки жителям, а в частности и крестьянам из окрестностей, приносившим или привозившим три раза в неделю на рынок на продажу плоды своего труда и производство своей земли, и им доставляло большое удовольствие уделять некоторое время в шинке «горькой капле». Ремесленники были: плотники, портные, сапожники, шапочники, кузнецы, но среди наших братьев ты так и не нашел бы строителя, который умел бы тебе построить дом. В то время искусство это находилось всецело в руках христиан.

Значительному числу [наших братьев] хорошо жилось от рыбы, которую они в больших количествах ловили в огромных озерах, окружавших город и покрывавших весь район — занимали они площадь в несколько километров шириной. Каждое утро несколько рыбаков выплывали на своих рыболовных лодках ловить рыбу на местную потребность, а большинство рыбаков занимались снабжением рыбой Витебска; зимою оборот достигал тысяч [рублей]. В те дни все еще не было в городе железной дороги, и вся торговля с Витебском велась на возах.

Днем и ночью по царской дороге из Невеля в Витебск тянулись длинные караваны возов на лошадях, тяжело нагруженных всевозможными грузами»¹⁶.

В Невеле были также и свои еврейские нищие, которые ходили по домохозяйкам, требуя милостыни как своего священного права — например, тот нищий, который каждую пятницу приходил к Юдиным и требовал «ахцейн копкес ауф н' тыш»¹⁷, то есть «восемнадцать копеек на стол», чтобы он мог поднять эти деньги, не прикоснувшись к женской руке.

Или второй пример: бабушка моя Марьяша Пассова в детстве знала слепого нищего Гиршеля. «Спой-ка, Гиршель, песню свою, дам полбуханки», — скажет, бывало, нечувствительная девочка. И Гиршель поет о

своей слепоте, о болезненном отчуждении от красоты света, от возможности нормально зарабатывать себе на жизнь, о страшном ударе, нанесенном ему рукою Божьей.

С другой стороны, была богатая элита: владельцы щетинной фабрики, братья Возлинские; теперь помнят только их жестокую трудовую политику¹⁸; семейство Шапиро, одна из дочерей которых вышла замуж за сына доктора Юдина Льва — их фамилия помнится потому, что их бывший дом упоминается сплошь и рядом в хронике послереволюционного Невеля¹⁹; и такие фигуры, как реббе Симха Зелигсон, благотворитель восьмидесятых и девяностых годов, который, хотя и не являлся сам человеком ученым, но «поддерживал щедрой рукою изучавших Тору», отстроил сгоревшую в одном из невеликих пожаров Юнгер-синагогу и не раз пользовался своим авторитетом, чтобы освобождать евреев из тюрьмы: «Если кто случайно забрел в грех и попался к полиции, реббе Симха, бывало, тотчас же прибежит, хотя и был тучного сложения, и поручится за него на слово или на деньги»²⁰.

Взаимоотношения христиан и евреев

Как смотрели неевреи на евреев? Вот нелестное описание из воспоминаний Марии Владимировны Евреиновой. Вот как она описала путешествие в имение Еменец на золотую свадьбу ее дяди в 1894 г.: «Из Витебска до Невеля 80 верст добираться надо было в еврейском омнибусе. Вот это было и смех и грех! Огромный, тяжелый омнибус, запряженный четверкой полудохлых лошадей, до отказа набитый жидами с длинными пейсами, в лапсердаках весьма сомнительной чистоты и с отвратительным запахом чеснока. Большие узлы, грязные ребятишки, кричащие на разные голоса, все это было невыносимо для такой, сравнительно дальней, дороги. Ехали чуть ли не шагом. Чуть пригорочек, лошади изнемогали и останавливались совсем. Пассажиры просили выйти вон, все кидались помогать бедным клячам, кто кнутом, кто криками, кто вертел колеса. Наконец, лошади трогались, и все помощники кидались, на ходу вскакивали в экипаж, боясь, вероятно, чтобы лошади опять не пристали.

Толстая жиловка в парике изо всех сил звала своего Сруля или Иохима и долго не успокаивалась»²¹.

В том же духе танцор и преподаватель Валентин Иванович Пресняков вспоминал о пожаре, случившемся в его детстве, в 1887 г. (кстати, не до конца доказано, что Пресняков действительно был свидетелем этого события). Все вокруг него обвиняли евреев, и даже взрослым человеком Пресняков принимал не критически эту версию. «... Число пожаров систе-

матически прогрессировало из года в год, а в 87-ом году они приняли совершенно стихийный характер. Евреи до такой степени обнаглели в своем увлечении поджогами, что жители потеряли покой и душевное равновесие. В городе поднималась волна возмущения и недовольства против бездарного руководства полицией и бездеятельностью исправника. Открыто говорили о том, что вся полиция подкуплена жидами, и это было весьма правдоподобно»²².

Было бы, однако, ошибочно приклеить Невелю ярлык антисемитизма. Евреи были в большинстве, защищаться умели. Погромов не происходило. Взаимоотношения евреев и христиан протекали по-деловому, при сознании взаимной зависимости. Местные помещики, такие, как еменецкие Евреиновы и дольские Трупчинские, относились к евреям благосклонно или по крайней мере не враждебно.

На трех еженедельных невеликих рынках, имевших место по воскресеньям, средам и пятницам²³, а также и в результате своих ежедневных взаимоотношений евреи выучивали достаточно русского или белорусского чтобы торговаться с соседями, а некоторые неевреи кое-как осваивали фразы и песни на идише²⁴. Жителей Невеля и окрестностей соединяли экономическая жизнь, дух прагматической терпимости, порою переходившей в личную дружбу. При многоликом населении — русские, белорусы, поляки и литовцы, исповедовавшие православие, раскольниковство, староверчество, католицизм — проповедовать в Невеле шовинистские настроения было бы безрассудно, и это все понимали.

В 1912 г., когда в полном разгаре бушевал поощряемый правительством антисемитизм, в Невеле царил дух сравнительной терпимости. Годом раньше, в марте 1911 г., в Киеве арестовали некоего Менделя Бейлиса по обвинению в ритуальном убийстве христианского мальчика (в конце концов он был оправдан). В своих воспоминаниях, написанных в 1950-ые годы на иврите, выехавший в 1920-е годы в Палестину невеличанин Менахем Ориели²⁵ отмечает, что невеликие власти проявляли здравый смысл и благоразумие, когда в городе было выдвинуто такое же обвинение. К начальнику полиции пришла молодая девушка, утверждавшая, что ее хозяин, еврей, вместе с иными евреями, связал ее веревками и приготовил было ее к жертвоприношению. Как-то ей удалось добежать до полиции, у которой она теперь просила об убежище. Начальник полиции сразу же понял, что она лжет. Он устроил комиссию, состоявшую из него самого, исправника и прокурора, чтобы расспрашивать ее. Привлекались и свидетели из еврейской общины. «Девушку освободили с тем, что, буде она посмеет опять распространять такие слухи, ее тотчас же арестуют и сошлют в Сибирь на каторгу. Тем дело и кончилось».

РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ НЕВЕЛЯ

Таковы внешние впечатления о невельской еврейской общине. А как насчет ее внутренней, духовной жизни? По устной традиции до нас дошли две пословицы на тему Невеля. Первая: «Хвалите Бога в Невеле». Вторая: «В Невеле ни один из столов не стоял прямо».

Выражение «Хвалите Бога в Невеле» является каламбуром, ссылкой на псалом 150: «Хвалите Его [то есть Бога] во Псалтири и гуслех». На древнееврейском языке *невель* означает «арфу». Еврейская фраза «халелуху бе невель» трансформировалась в русскую фразу «хвалите Его в Невеле».

Активной религиозной жизнью невельских евреев восхищались. Ориели рассказывает, что невельские евреи были в основном «простыми людьми, зарабатывающими на жизнь торговлей в деревнях и в лавках», но они scrupulously соблюдали еврейские законы и религиозную практику, прилежно изучали Тору — Библию, Талмуд и остальные труды еврейского учения.

«Почти во всем городе заметно было, как свято соблюдался шаббат», — пишет Ориели. Он вспоминает также о Рош Хашана, еврейском Новом годе. Тогда огромная толпа стремительно проходила по главной улице и сходила по соседним улицам к реке Еменке, где символически бросала в воду свои грехи и взывала к Божьему прощению.

К 1880-м годам, когда писал Ориели, в Невеле было четырнадцать синагог. Те из них, которые не были закрыты и снесены коммунистами в тридцатые годы двадцатого века, были потом уничтожены нацистами. Никто не помнит названий и местоположения всех четырнадцати. Однако один старый невельчанин Роман Григорьевич Минц, помнит три большие синагоги: *Грейсер бейс медреш* (Великую синагогу) на берегу Еменки, недалеко от Петербургского моста — может быть, это была так называемая «школа» с карты эпохи Екатерины; *Юнгер миньян*²⁶, рядом с женской гимназией; и *Дворянскер* на улице Герцена (Зеленой), изображение которой воссоздал по памяти известный невельский художник Бржушкевич. Минц помнит и три деревянные синагоги: *Лепкес*, *Пескявачкер* и *Клейтер бейс медреш* (маленькую синагогу). Все они находились недалеко от озера. В другом источнике²⁷ упоминается синагога *Ноткес*. Существовали по крайней мере еще семь синагог, названия которых забыты.

Некоторые из них, может быть, представляли собой маленькие *итибель*, то есть одну-единственную комнату у кого-то в доме, в которой собиралась группа людей, чтобы при интимном настроении молиться и изучать Тору. Ведь евреи, чтобы заниматься совместным молением, не нуждаются

ся ни в специально освященном помещении, ни в равнине; нужен только *миньян*, буквально кворум, состоящий из десяти лиц мужского пола, которым исполнилось по крайней мере 13 лет. Со временем, бывало, в какой-нибудь штитель приходило столько народу, что приходилось строить новую синагогу. Именно таким образом, вероятно, появились многие невельские синагоги: пожалуй, название синагоги *Юнгер миньян*, одной из наибольших невельских синагог, указывает именно на такое начало. Синагоги часто назывались по основателю или главному благотворителю.

В этих синагогах и *итибель* каждый день, рано утром, днем и вечером раздавались голоса молящихся, голос *хаззана* (регента), равно как и вечером по пятницам перед тем, как люди возвращались домой на специальный ужин на шаббат; по субботам, в праздники и постные дни еврейского года. А в другие времена дня, синагоги использовались, как дома изучения (именно таково значение выражения *бейс ха-мидраш*). Характерное описание деревянной синагоги — вероятно, *Пескявачкера* — оставил нам Каган. Он туда ходил на *хедер* — религиозные занятия — с 1892-го года, с трехлетнего возраста: «Настойчивое мое желание стать школьником исполняется, и трех лет от роду я становлюсь хедерником. Школа находится в синагоге за домом моих родителей²⁸. Занятия идут с 8–9 часов утра до 7–8 часов вечера. Большую часть времени младшие дети играют, никто из взрослых играми не руководит. Лучшее время для нас, школьников, — сумерки, время между предвечерней и послезакатной молитвой, когда дети, собравшись в одном из углов синагоги, рассказывали друг другу не то страшные сказки, не то какие-то жуткие поэмы. Не знаю, откуда мы их брали — во всяком случае, не из книг. Сочиняли все. Не помню ни одного, кто не умел бы рассказывать. Рассказы всегда слушались с напряженным вниманием. Учитель наш и взрослые вообще никакого отношения к этим собраниям детей в углу синагоги под книжными полками не имели. Взрослые в это время в другом углу были заняты изучением того или иного теологического трактата²⁹».

В своих воспоминаниях, относящихся к 1927 г., художник, большевик и агитатор Иосиф Гурвич пишет о шумных политических прениях, на которых он присутствовал в начале 1918 г. в синагоге Юнгер. Его описание не уступает описанию, оставленному Каганом: «Как и все мои товарищи, я попал в Невель случайно, не имея представления даже, что такой город существует на белом свете. Первое, что обратило мое внимание, — это был плакат, что в синагоге Юнгера [так. — М. Р.] состоится митинг — выступят большевики и меньшевики. <...> Для меня, городского жителя, это было весьма оригинально. Я решил пойти на митинг: Синагога — старое ветхое здание, пахнувшее плесенью и человеческим потом,

мрачное, как история евреев, с какими-то пузатыми лампами, с претензией на какую-то шикарность, с какой-то немислимой трибуной в середине, была заполнена людьми — солдатами, щетинниками, чиновниками, интеллигентами, старыми евреями, оставшимися послушать этот разговорный поединок³⁰.

Из-за занятости домашними делами женщины не имели прямой религиозной обязанности ходить в синагогу. В будние дни они обычно и не ходили, изучением Торы также не занимались. Редкая женщина умела читать древнееврейский язык, женщины полагались на книги на идише — переводы молитвенников и назидательных памфлетов и рассказов. А когда в шаббат или утром в день праздника они в синагогу приходили, то сидели отдельно, в синагогах побольше — на специальной галерее³¹, а в меньших синагогах и в *итибель* — за занавесом. Хотя мужчины женщины не видели, им были слышны их голоса. В День поминовения слышали всхлипывание и плач — такому плачу научилась у своей мамы моя невельская бабушка. Тем временем *хаззан* нараспев читал гимн некоего средневекового мученика, описывающий Страшный суд: как овцы трясущиеся проходят дети Израиля пред престолом Творца дабы услышать свои судьбы на наступающий год³².

Хасидим Хабад³³

Невельские евреи принадлежали к ветви *Хасидов-Хабадов*, и чувствовали себя особенно связанными с *Реббе* из Любавичей, местечка на шоссе из Витебска в Смоленск. Хасидизм представлял собой — если можно так выразиться — движение «обновленческое», возникшее в Польше в XVIII в. и вдохновленное жизнью и учением Бааля Шем Тов, харизматического, хотя и необразованного сына народа. К концу XVIII в. хасидизм уже распространился, как лесной пожар, захватив почти половину восточноевропейских общин³⁴. Многие традиционно настроенные раввины и старшины считали хасидизм ересью. Это были так называемые «противники» — на древнееврейском *митнагдим* — и они даже доносили на хасидов русским властям, тщетно пытаясь потушить пожарище³⁵.

Хасидизм был далек от чистой эмоциональности. То эмоциональное самовыражение, которое он поощрял, было основано на религиозных понятиях и, так сказать, проблесках, происходящих из *Кабалы*, древнего свода таинственного еврейского мистического учения о природе Бога и Вселенной. Раньше только тем, кто продемонстрировал наивысшую духовную зрелость и интеллектуальную силу, позволялось изучать Кабалу. А хасидизм передал идеи и вдохновение Кабалы рядовым евреям. Осо-

бенно поражало понятие о том, что обыкновенные явления мира сего, в том числе и дурные вещи и мысли, являются всего лишь скорлупой, *келипот*, в которой таятся священные искры сути духа Божьего. Задача человека — обнаружить искры эти и возратить их на законное положение частицы света Божьего³⁶.

В этом космическом процессе существенную роль играло поведение людей. Рядовой человек мог внести в него свою лепту посредством влияния своего *Реббе* или *Цадыка* (справедливого человека), харизматической фигуры, к которой каждая община хасидов обращалась за вдохновением, примером образцового поведения и руководством. Борьба между хасидами и *митнагдим* — их противниками — приводила к ожесточенным распрям во многих общинах еврейских, но не в невельской. С самого начала невельские евреи сплотились вокруг одного из движений внутри хасидизма, а именно *хабад*, детища Шнеера Зальмана из Ляд. Сын его Дов Бер Шнеерсон основал в Любавичах идейный очаг для себя и своих приемников.

Хабад придал хасидизму более глубокий интеллектуальный объем³⁷. Само по себе слово *хабад* является акронимом, сокращением трех слов: *хохлах*, *бинах*, *да'ат*, то есть мудрость, понимание, знание. Шнеер Зальман и Дов Бер Шнеерсон отвергли хасидское понятие о достижении самоуничтожения посредством эмоционального опьянения. Они зато настаивали на том, что истинной радости духовного удовлетворения человек должен достичь через глубокое размышление, направленное на интеллектуальное постижение божественной загадки. Самой важной была таинственная идея о том, что основной правдой является небытие всякого существования кроме Бога — выражаясь проще, что кроме Бога ничего нет. Как пишет Шнеер Зальман, «Бог заполняет все миры, и высшие и низшие, а еще и земля вся представляет собою Его славу, будь он благословен. По отношению к Нему все, что есть, равняется на самом деле ничтожности. Один Он занимает миры высшие и низшие, равно как Он был один до шести дней создания»³⁸.

У невельских евреев был свой раввин, но *реббе* был *реббе*, проживающий в Любавичах. У хасидов была привычка приходить в «двор» к *реббе* в поисках совета духовного и — это относится к делу возвышения святых искр — советов по ежедневным делам: не сосватать ли дочке жениха, не бить ли по рукам и заключить сделку торговую. Посетитель надеялся на частное свидание с *реббе* или на привилегию сидеть у него за столом на третьей трапезе шаббата. Слова *реббе* аккуратно запоминались, а потом и записывались и, может быть, в конце концов прибавлялись к широчайшей литературе хасидизма на благо поколений грядущих.

Посетители постоянно путешествовали из Невеля в Любавичи и обратно. В своих «Воспоминаниях о моей невельской молодости» Менахем Мендель Хейн рассказывает, что невельских евреев, посещавших Любавичи, обычно принимали не в доме, а во дворе, «благо приходили они как простые люди, обутые в сапоги, а не наряженные в ризу ученых»³⁹. Описывает он посетителей трех типов: *А* — выдающееся лицо, ходившее к *реббе* исключительно за толкованием Торы и за благословением; *Б* — человек, просящий совета по делам и деньгам, а также «в исполнении своего долга хасида» просящий совета по собственным недостаткам духовным; *В* — советующийся исключительно по делам мирским и просящий благословения.

Менахем Мендель Хейн описывал Любавичи конца XIX в., но в то время мало что изменилось с момента смерти Дова Бера Шнеерсона, приключившейся в 1827 г. В документе, относящемся приблизительно к 1822 г., излагаются правила для посещающих *реббе*. Посетители разделяются на категории, соответствующие их духовным способностям, чем и определяются и время, когда они будут приняты, и учение или совет, которые им будут выделены⁴⁰.

Ориели записал устное предание, дошедшее до него более, чем через сто лет, что Дов Бер «особенно любил одного из жителей Невеля, известного по кличке «Соня» [сонливый]. Хотя *реббе* обыкновенно истолковывал Тору публично, однако когда приходил этот Соня, он истолковывал ему Тору наедине, и Соня положит, бывало, голову на руки и заснет за столом. Однажды приходит Соня, а *реббе* все молчит. Соня так и умоляет его: «*Реббе*, истолковывайте мне Тору». А *реббе* ему в ответ: «Отчего ты об этом просишь? Ведь ты и так сразу же заснешь». А Соня возражает: «Правда ваша, а под звук вашего толкования так приятно засыпать». И *реббе* исполнил его просьбу. Говорят хасиды, что у Сони этого была великая душа, способная впитывать слова Тораха только при телесном сне»⁴¹.

Сам Дов Бер написал «Трактат о самозабвении»⁴², проводящий различие между настоящим экстазом самоуничтожения посредством умственного познания и фальшивым экстазом эмоциональности. По-видимому, он считал, что невельчанин «Соня» достигает вершины духовной экзальтации, а не просто отдается тому призыву ко сну, находящему на всех благочестивых евреев в шаббат пополудни.

Ориели приводит и другие примеры невельчан, потерявших в священном трансе. О некоем Шмереле Зухубере «рассказывается, что в разгаре своего пыла при молении он бил рукой по аналою. Один раз случилось, что аналой починили, а несколько гвоздей забыли до конца вбить. Шмерель, ведший моление, как обычно с пылом бил по аналою. По руке

его текла кровь, а он и не замечал, все бил да бил, пока присутствовавшие его не остановили»⁴³.

Невельская еврейская община щедро поддерживала Любавичи в финансовом отношении. Менахем Мендель Хейн вспоминает, что каждый год в Невель приходил специальный посланник собирать пожертвования. «Останавливался он дней на десять у одного из самых уважаемых и состоятельных хасидов. Каждый вечер у него собирались, чтобы слушать его слова насчет хасидизма и прислушиваться к разговору справедливых при еде, питье и пелененье до глубокой ночи»⁴⁴.

Руку помощи протянули невельчане и тогда, когда в послереволюционные годы коммунисты в силу закона против религиозного образования закрыли религиозное училище (ешибот) в Любавичах. Училище перенесли в Невель, где некоторое время режим был менее строг, и помещалось оно в синагоге Юнгер, пока не пришлось опять перенести его⁴⁵. Тогдашний *реббе*, Иосиф Ицхак выехал в Америку во избежание дальнейшего преследования. Свою благодарность невельчанам он выразил замечанием: «Любезнее в моих глазах суть мясники невельские, чем все ученые Кременчуга»⁴⁶.

Итак, мы приходим ко второй старой поговорке насчет Невеля: «В Невеле ни один из столов не стоял прямо». Это ссылка на тот энтузиазм, с которым невельские евреи, все до единого хасиды, праздновали праздники, радуясь служению Богу своему и своему труду при изучении Торы.

При третьей трапезе пополудни в шаббат евреи сидели вместе в синагогах, в *штубель* или по домам в комнатках или подвалах, согласно предписанию псалма 100-го (в некоторых версиях 99-го): «Служите Господу с веселием...», а далее — «Войдите во врата его с хвалою, во двory его с песнопением». Самый ученый среди них, бывало, выступит со словами из Торы, другой станет сказки сказывать, третий заведет песню, повторяющую под жуткую мелодию какой-нибудь стих библейский, в котором предсказывается появление Мессии. Законы о шаббате воспрещали зажигать свечи, а ступающиеся сумерки придавали человеческому теплу и тому созвучию, под которое евреи качались и хлопали, ощущение скрытой божественности⁴⁷. Многие помнят, как невельские хасиды плясали на улицах города, особенно на веселые праздники *Дурил* и *Симхат Тора* (Радость о Торе, о законе)⁴⁸.

Раввин Перец Хейн

Так как невельчане рассчитывали на духовное руководство именно разных *реббе* из Любавичей, их собственные раввины были скорее всего как бы работниками сферы социальных проблем и в общем не отлича-

лись ни ученостью, ни одухотворенностью. Выдающимся исключением, однако, является раввин Перец Хейн⁴⁹.

Из-за разногласий среди источников нельзя точно установить даты его рождения, смерти и работы в Невеле. Родился он, наверное, около 1800 г., учился наверняка у второго великого мастера хабатов Дова Бера из Любавичей (1773–1827) и был другом и наперсником третьего из них, Менахема Менделя (1789–1866). На смертном одре в 1827 г. Дов Бер хвалит его, как «молодца», так что к этому моменту он уже, должно быть, стал раввином невельским, и ему тогда могло быть где-то лет 25. Менахем Мендель Хейн рассказывает, что «он оставил Невель лет сто назад, когда его назначили главным раввином черниговским»⁵⁰. «Лет сто назад», значит, где-то около 1844–45 гг. Так как Перец Хейн служил потом еще в двух городах — Бешенковичах и Чернигове — на мой взгляд, Перец был раввином невельским на протяжении примерно двадцати лет, оставив город около 1845–48 гг.

Именно Перец Хейн был основоположником преданности невельских евреев делу хабата. О нем говорится в одном из источников, что он за жизнь свою видел шесть поколений хабадских *реббе*. Это значит, что он дожил по крайней мере до 1880-х гг.⁵¹ А его невельский период совпал с грозным для русских евреев царствованием Николая I.

Чтобы воссоздать картину жизни и основные черты личности Переца Хейна, раз он никаких письменных трудов не оставил, придется полагаться на разрозненные рассказы и предания хабатов. В Музее истории Невеля хранится копия с его фотопортрета, сделанного в старости. Это удивительное лицо, пронизанное умственной силой, суровым сосредоточением; взор устремлен на внутренние миры, миры незримые.

Те немногие рассказы о нем, которые до нас дошли, говорят о привлекательной личности. Вот два примера.

Перец Хейн и дети-рекруты.

В 1827 г. Николай I ввел рекрутскую повинность натурой, ставшую причиной неимоверных страданий среди еврейского народа⁵². Дети с семилетнего возраста отправлялись в «кантонистские полки» на военное образование, продолжавшееся до восемнадцати лет; потом они должны были прослужить двадцать пять лет в армии. Хотя закон обещал рекрутам религиозную свободу, фактически они были всецело лишены ее. Напротив, всячески старались обратить этих детей в христианство. Около половины тех, кто выдержал заболевания и истощение, были крещены. Принужденные нарушать еврейский закон, рекруты оказывались перед ужасной дилеммой. В попытке утешить их, Дов Бер перед смер-

тью в 1827 г. заявил, что таких несчастных надо считать по-настоящему богобоязненными: глубина их радости, когда они получают возможность исполнить хотя бы одну из заповедей, покажет Богу скрытые стремления их сердец⁵³.

Это рассуждение дополнил Перец Хейн: как рассказывают⁵⁴, несколько хасидов, сидя в доме Хейна в Невеле, обсуждали мужество тех детей, которые остались верными своей религии даже при таких мучительных обстоятельствах. Один из присутствовавших рассказал о том, как он услышал о группе мальчиков, которые, несмотря на все свои невзгоды, отказывались бросить свою еврейскую веру, есть некошерное, нарушать шаббат. Зато сидели вместе и обсуждали главы из *Мишна*х и Талмуда, которые они выучили еще в *хедере*.

А Перец Хейн воскликнул: «Эти мальчики мешают пришествию Мессии!» Заметив, что остальные изумились, он пояснил: «Может ли быть большее удовольствие для Всмогущего, чем то, что эти мальчики занимаются изучением Торы? Не удивительно, что он не выкупает нас из горького нашего изгнания!»

Сочувствие Переца Хейна рядовому еврею.

Во время беседы Переца Хейна с *реббе* Менахемом Менделем, тот спросил у него: «А по-твоему, Перец, в чем больше всего нуждается сегодняшней еврей?» Ответил ли он, что нужна большая религиозность, большая прилежность при исполнении религиозного долга? Нет. Перец Хейн, подумав о страданиях и лишениях еврейского народа при Николае Павловиче Романове, ответил: «Еврей нуждается в мясе и рыбе насыщенных, в собственном доме и экипаже с лошаадью и двадцати тысячах рублей серебром в банке». Собеседник согласился: «И я так думаю»⁵⁵.

Другие раввины

Скудные сведения о других невельских раввинах мне удалось найти только в тех же воспоминаниях Менахема Менделя Хейна. Предшественником Переца Хейна был Рав Менделе, малоизвестный, но святой. Его преемником был Рав Шмуэль Зальман Яхинзон, «человек хрупкий и слабый, но умеющий пером разносить свою паству в пух и прах». Еще одна фигура из невельских раввинов: учтивый петербуржец раввин Неймарк, заново отстроивший еврейскую баню, забив дыру в стене, разделявшей мужской и женский отделения оной бани. Дыра эта, увы! служила источником неподобающего веселья предыдущим поколениям невельских парней, в том числе и моему покойному дедушке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ:
ПРОСВЕЩЕНИЕ И РЕВОЛЮЦИЯ⁵⁶

В нашем обзоре еврейской религиозной жизни в Невеле не соблюден хронологический порядок. И это не случайно: невелинская религиозная жизнь не менялась ни за все девятнадцатое столетие, ни даже за первые годы двадцатого. Она оставалась под влиянием одних и тех же веяний внутренних, хотя были, конечно, распри и разногласия среди людей, придерживавшихся этих убеждений и исполнявших эти обязанности. Она стойко противостояла попыткам сочетать религию со светской жизнью, не поддавалась искушению учиться русскому языку, не стремилась к культурной ассимиляции.

А как насчет русской революции? В введении к переводу рассказов Исаака Бабея английский литературный критик и переводчик Лайонел Триллинг пишет, что революционное насилие освобождало не только от цепей социальных, но и от традиционных способов восприятия, осознания себя, создав для Бабея возможность ухода от «еврейского запрета» его детства. Цитируем далее: «Должно быть, это напоминало стремительный бег людей из пещеры под свет реальности»⁵⁷. Слова эти относятся и к опыту многих невелинских евреев после февральских и октябрьских революций.

Сила событий толкнула невелинских евреев по расходящимся путям. Некоторые ликовали, приобретая власть большевистских руководителей и чиновников, или вступили в невелинскую еврейскую коммуны. Другие выбрали дорогу, чуждую идеологии революционного времени — Мария Юдина приняла православие, Каган молча ненавидел революцию и занимался вместе с Бахтиным философскими исканиями. Третьи, выжившие невелинские хасиды-хабады, не только старики, но и молодежь, годами сопротивлялись попыткам противников-коммунистов (что часто означало противников-евреев) уничтожить их институты.

Наконец, не надо забывать и о рядовых невелинских евреях, для которых октябрьская революция не была явлением ни целиком положительным, ни целиком отрицательным. Они старались продолжать жить своей жизнью, прижавшись друг к другу, как пингвины на антарктическом ветру. Благодаря именно этим людям, Невель долго оставался местом гуманным, тогда как другие города давно насильственно принудили конформироваться.

История невелинской еврейской общины — это история не отвлеченная, а конкретная, история о людях, которые встанут перед нами как бы живыми.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ
НА АНГЛИЙСКОМ И НА ИВРИТЕ

Dubnow, S. M. *History of the Jews in Russia and Poland: from the earliest times until the present day*. (Philadelphia, 1916).

Glitzenstein, A. C. S. (ed.). *Otsar Hachassidim*. Vol. 17 (New York, 1997). Jacobs, Louis. *Hasidic Thought*. (New York, 1976). Jacobs, Louis. *Dobh Baer of Lubavitch, Tract on Ecstasy*. (London, 1963). Jacobs, Louis. *The Jewish Religion: a companion*. (Oxford, 1995).

Loewenthal, Naftali. *Communicating the Infinite: the emergence of the Habad School*. (Chicago and London, 1990).

Klier, John Doyle. *Russia Gathers Her Jews: the origins of the «Jewish question» in Russia 1772–1825*. (Illinois, 1986).

Klier, John Doyle. *Imperial Russia's Jewish Question, 1855–1881*. (Cambridge, 1995).

Orieli, M. *Nevel and Chein, M. M. Memories of Nevel from my Youth*, in B. Karu ed., *Sefer Vitebsk*. (Tel Aviv, 1957) Translated by L. Halpem (London, 2001).

Schnerson, Joseph I. *The «Tzemach Tzedek» and the Haksalah Movement*. Translated by Z. I. Posner. (Brooklyn, 1969).

Stanislawski, Michael. *Tsar Nicholas I and the Jews: the transformation of Jewish Society in Russia 1825–1855*. (Philadelphia, 1983).

Trilling, L. Introduction to *I. Babel, Collected Stories*. (Penguin Books, 1961).

ПРИМЕЧАНИЯ

Источники на английском и иврите см. выше.

¹ *Максимовская Л. М. Город просветителей // Мария Юдина: Лучи Божественной Любви. М.; СПб., 1999. С. 602.*

² Копия с данной карты находится в экспозиции в Музее истории Невеля.

³ «Школа» здесь почти наверняка означает «синагогу» — на идише «шуль», т. к. по еврейской традиции изучение еврейского закона (Торы) является религиозной деятельностью наравне с молением. Слово «scola» часто встречается в таких средневековых текстах, как Хартии калижского князя Болеслава Набожного. Местоположение данного комплекса — справа от Петербургского шоссе, недалеко от моста через Еменку, за улицей Урицкого. Именно там, или рядом, была впоследствии построена большая синагога Гроссер Бес Га-Медреш. Однако, в другой части Невеля была улица Кагальная, теперешняя Интернациональная, сходящая с теперешней улицы Ленина к озеру. Задаваясь поэтому вопросом, не там ли всегда находилась контора Кагала.

⁴ От древнееврейского хехилла — паства, приход.

⁵ *Dubnow*. Т. 1. С. 410.

⁶ *Dubnow*. Т. 1. С. 328 и сл.; *Klier*. 1986. С. 95 и сл.

⁷ Цит. по публикации К. Невельской (Юлифи Каган) М. М. Бахтин и М. И. Каган (По материалам семейного архива) / Память. М.; Париж, 1979–1981. С. 253.

⁸ См. статью о Невеле в Еврейской энциклопедии. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем. Под общей редакцией А. Гаркави и д-ра Л. Кацнельсона. СПб., 1906 (далее: Евр. Энци.). Т. 11. С.623.

⁹ Сведения о росте еврейского населения Невеля можно черпать из: Невельская старина: Сборник материалов по истории Невеля. XVI — начало XX века. СПб., 1993. (далее — «Невельская старина»).

¹⁰ О профессиональной деятельности доктора В. Г. Юдина см.: Юдина В. В. «Я вам напишу, что было на самом деле...». Публикация и комментарий Л. М. Максимовской // Невельский сборник 4. СПб., 1999. Особенно полезно примечание 6, с. 87. См. также воспоминания С. С. Максимовской «В те далекие годы» // Невельский вестник. 28.12.1996.

¹¹ Dubnow. Т. 1. С. 406.

¹² Там же. С. 407.

¹³ Klier. 1986. С. 137, 139.

¹⁴ Henry J. Tobias. The Jewish Bund in Russia. Stanford, 1972. С. 5, примечание 4.

¹⁵ Многие в настоящей статье основано на «Воспоминаниях о Невеле моей молодости» М. М. Хейна и «Невеле» Менахема Ориели (см. предыдущую библиографию). Эти два труда вместе составляют невельскую главу книги «Сефер Витебск» [Книги о Витебске], изданной в Тель-Авиве в 1957 г., одной из сотен «изкор» (книг памяти), написанных после Второй мировой войны выходцами из еврейских общин восточной Европы.

¹⁶ Описанное здесь мало чем отличается от экономики города в 1917-ом году, как она описывалась первым невельским чекистом Абрамом Григорьевичем Бейлиным: ср. его Воспоминания 1927-го года: «Невельский уезд не имеет ни крупной, ни средней индустрии, но в самом городе имеется шеточная [фактически щетинная. — М. Р.] фабрика, на которой работало несколько десятков рабочих, безжалостно эксплуатировавшихся владельцем фабрики — Возлинским [Возлинских фактически было двое. — М. Р.]. Кроме того, в городе было несколько кожевенных заводов с несколькими десятками рабочих на каждом из них. <...> Были также и мельницы индустриального типа <...>. Большинство рабочих на этих предприятиях были евреи (так же, как и кустари), городские жители, жестоко эксплуатировавшиеся. Кустарных мастерских в городе было множество: портные, шапочных дел мастера, сапожники — это большинство; были также столяры, стекольщики, кузнецы, слесаря, работавшие в своих маленьких мастерских; остальная часть населения состояла из разных торговцев, среди которых были и крупные мануфактуристы, торговцы железно-скобяными товарами, бакалейщики, владельцы мелких и средних лавок, чиновники, принадлежавшие к городской аристократии [эти последние, конечно, евреями не были. — М. Р.].» (С. 2) Машинопись русского перевода с идиша хранится в Музее истории Невеля (МИИ-НВ № 764. КОР № 18-П2). Оригинал появился на идише в антологии Октябрьская революция в Белоруссии, сост. Ш. Агурским. Минск, 1927. С. 125–154).

¹⁷ Юдина М. В. Февральская революция и курсы Лесгафта // М. В. Юдина. Лучи Божественной Любви. М.; СПб., 1999. С. 94.

¹⁸ О братьях Возлинских см. книгу: Петров Г. В. Невель. Л., 1980. С. 30–31.

¹⁹ Как жилье нескольких семей в послереволюционном периоде, как помещение Гроссер клуба и как помещение Отдела народного просвещения (позднее: образование).

²⁰ Хейн М. М. Воспоминания о Невеле моей молодости // Сефер Витебск [Книга Витебска]. С. 227.

²¹ Евреинова М. В. Семейная хроника семьи Евреиновых. С. 11–12. Копия с машинописи любезно предоставлена автору Филиппом и Глебом Евреиновыми.

²² Пресняков В. И. Воспоминания. Публикация Н. Л. Дунаевой «Валентин Пресняков — забытое имя» / Russian Studies. Vol. III. No. 2. 2000. СПб., Ежеквартальник русской филологии и культуры. С. 392.

²³ Ср. информацию о «торгах» и «ярмонках», помещенную в «Невельской старине». С. 72.

²⁴ Так было и позже. Из интервью, взятого автором летом 2002-го года у Нины Дмитриевны Галактионовой, урожденной Морозовой, мы узнаём, что она в тридцатые годы двадцатого столетия переняла у подруг слова песенки на идише, которые она семьдесят лет спустя все еще точно помнит.

²⁵ См. «Невель» Менахема Ориели // Сефер Витебск [Книги о Витебске]. 1957. С. 223.

На углу улиц Луначарского и Комсомольской, рядом с женской гимназией.

²⁷ См. невельскую газету революционных лет «Молот», № 47, от 3 декабря 1918.

²⁸ Ср. статью Л. М. Максимовской «Еврейский Невель в воспоминаниях современников» // Возвращение. Ноябрь 1999, стр. 17: «Семья Каганов проживала на Зеленой улице, в доме № 5. Синагога, которую описывает мемуарист, по-видимому, называлась Пескявачкер-Миньян. Располагалась она вблизи роскошного Невельского озера. Зеленая улица, как и Кагальная, спускалась прямо к озеру. Нет, конечно, давно этой синагоги, а Кагальная улица переименована в Интернациональную...». Ул. Зеленая — теперешняя ул. Герцена. По словам Романа Григорьевича Минца, Пескявачкер был деревянный и стоял на теперешней ул. Трудовой.

²⁹ Автобиографические заметки М. И. Кагана в публикации К. Невельской (Ю. М. Каган) «М. М. Бахтин и М. И. Каган (По материалам семейного архива)» // Память. Исторический сборник. Выпуск 4. Москва-Париж. 1979–1981. Стр.253.

³⁰ Гуревич И. История борьбы одного отряда [;] Записки агитатора. С. 1. Воспоминания написаны в Ленинграде в 1927-ом году, т. е. к десятой годовщине октябрьской революции. Копия с машинописи хранится в Музее истории Невеля.

³¹ Художник Казимир Эдуардович Бржужкевич вспоминает, что в его пионерское детство с галереи уже заброшенной синагоги Дворянскер пускали самолетки (интервью с автором наст. статьи, взятое летом 2001 г.).

³² Гимн этот называется «Унетане токеф» и является по преданиям последним изречением мученика раввина Амнона из Майнца.

³³ О хасидизме и движении хабад вообще см.: Loewenthal. 1990, и Jacobs. 1963, 1976, 1995.

³⁴ Там же.